Из воспоминаній.

«Арестант».

Вспоминаю — и кажется мнѣ, что никогда и нигдѣ в мірѣ не существовало такой совершенной, такой абсолютной свободы печати, как в благовѣщенской тюрьмѣ в января 1909 года.

Мы тогда не знали ни черных, ни красных цензоров, ни трибуналов, ни судов, ни самосудов, никаких ограниченій. С прокурором мы считались лишь, как с об'ектом сатиры и каррикатуры. Суд нас интересовал лишь постольку, поскольку он имѣл отношенія к нашим процессам. Нас не страшили ни штрафы, ни конфискаціи. Поистинѣ, то были лучшія времена моей публицистической жизни. По истинѣ, только там, в маленьком деревянном корпусѣ посреди тюремнаго двора можно было отрѣшиться от эзоповскаго языка и кукишей в карманѣ, и называть любую вещь настоящим ея именем.

Первый № «Арестанта» был «напечатан» в четырех экземплярах. Типографіей у нас служил И. М. Сивков, обладавшій красивым почерком и мастер по части всевозможных виньеток. Одно время возникал было вопрос о пріобрѣтеніи гектографа, и его можно было-бы, хотя и с большим трудом, получить с воли, но эта мысль не нашла большого сочувствія. Редакція и большинство читателей были вполнѣ довольны своей типографіей, работавшей чисто, изящно, аккуратно и добросовѣстно, по цѣнам, внѣ всякой конкуренціи.

Не помню всего содержанія перваго номера. В памяти остались только слѣдующія подробности: славословіе ротмистру Перкову, котораго мы никак не могли игнорировать в своем изданіи, ибо он был обязательным отцом-крестным, воспринимавшим всю благовѣщенскую «политику» из революціонной купели и передававшим на воспитаніе в зданіе «на горкѣ». Отцу-крестному были посвящены стихи и проза, может быть, порою и не совсѣм изящные, но за то—от души.

Популярный в то время товарищ прокурора М—ч удостоился воспроизведенія в профиль, а этот профиль удивительно напоминал представителя одной породы животных, особенно успѣшно культивируемых в Англіи, в одном из южных городов, имя коего эти животныя и унаслѣдовали.

Если Перков был нашим отцом-крестным, то М—ч по справедливости мог быть назван посаженным отцом, ибо ни одно вѣнчаніе «политика» на непорочной дѣвицѣ Каторгѣ не обходилось без дѣятельнаго участія М—ча, который не щадил сил, чтобы сдѣлать каждый отдѣльный брак наиболѣе прочным и долголѣтним. И наши симпатіи к посаженному отцу (собственно, посаженными то были мы, дѣти, а отец только сажал нас), сумѣл матеріализировать В. Н. Досѣкин, изобразившій М—ча очень удачно и живо бесѣдующим с начальником тюрьмы Л., имя коего было «Верблюд».

Были в первом номерѣ и еще каррикатуры, и было много стихов и прозы, но 9 лѣт стерли их на пластинкѣ моей памяти.

Номер гулял и по уголовному двору, и даже сумѣл проскользнуть на волю и сердце редакціи, коллективное крамольное сердце, радовалось, и спѣшно готовился номер второй.

Собственно, редакція состояла из трех лиц: я, Онуфрович и Сошников. Но номера составлялись всей камерой ин-корпоре, и в эти памятные вечера наши сосѣди долго не могли заснуть от хохота и восклицаній, раздававшихся за редакціонным столом.

Попутно опишу наш тюремный день.

Наша публика в то время чрезвычайно увлекалась «рогофобіей». Под этим не совсѣм понятным терминон разумѣлась работа по выдѣлкѣ из коровьих рогов всевозможных мелких вещиц.

Так как вся тюрьма в то время обѣдала супом из «усердія» и коровьих голов, то рогов в тюрьмѣ было изобиліе. Их распаривали, распрямляли в видѣ пластинок, для чего служили прессом деревянные переплетные тиски, потом обрабатывали наждаком и лобзиком, или ножичком вырѣзали разныя диковинныя штуки, положительно негодныя для прозаических цѣлей, но ласкавшія взор изяществом. «Рогофобіей» была заражена исключительно наша камера; всевозможныя спичечницы, рамочки, ножички для разрѣзанія книг, медальончики и прочая вермишель выдѣлывалась нашей камерой в огромном количе

ствѣ и шла на волю. Истребляли рога не только молодые люди, тщательно и кропотливо выдѣлывавшіе разную милую ерунду для оставшихся на волѣ молодых жен или невѣст, но даже солидный и почтенный Болеслав Ильич цѣлыми часами пыхтѣл и обливался потом, стараясь осилить какой-нибудь хитрый узор на крышкѣ табакерки, предназначаемой для отправки на волю.

Наряду с этим кое-кто занимался вязаніем неводов. Особенно усердствовал по этой части И. К. Стойлов. Он не разгибая спины, по цѣлым вечерам неутомимо орудовал челноком и ниткой, изрѣдка звучно поплевывая на пальцы и развивая план будущей небывало-грандіозной рыбной ловли гдѣ нибудь на Ленѣ или Колымѣ, куда половина нашей камеры ожидала экстренной казенной командировки.

Будучи человѣком практическим, я пред почел вязаніе неводов «рогофобіи». Тут было дѣло, а там—«одна прокламація». И. К. вручил мнѣ недовязанное крыло одной сѣти, и я быстро принялся было за дѣло, но с горяча надѣлал таких ячей, что и сам диву дался: половина была таких размѣров, что сквозь каждую ячею пролѣз бы без всякаго труда двухлѣтній жеребенок, за то другія были так мелки, что папироска не лѣзла. За это я был позорно «снят» с работы и получил нагоняй от И. К.

Иногда по вечерам играли в шахматы. Ни одного порядочнаго игрока не было, все диллетанты. Но огромное удовольствіе всей камерѣ доставляли часы, когда за шахматной доской сражались Онуфрович и Космарев. Битва начиналась вяло, но чѣм дальше, тѣм больше ожесточались бойцы, и послѣ того, как всѣ космаревскія пѣшки исчезали с поля, начиналась форменная рукопашная свалка: «Шах королевѣ!» — «Шах королю!» — «Убери туру!»—«Куда лѣзешь с конем?!» —«Вот тебѣ и шах!»—«Мат!»—«Гдѣ же мат-то? Вот—и нѣт мата! Шах королевѣ!»

Дальше-больше, «шахи» становились часты, как осенній дождь, лица игроков краснѣли как піоны и, наконец, доска летѣла от удара кулаком под стол, и игроки расходились, полные самой высокой нена висти друг к другу, и клялись всѣм, что попадется под руку, больше не играть друг с другом. Но через полчаса снова начинали играть.

Кое-когда играли в винт, конечно, без денег. Винт составлялся, когда приходил разстриженный священник Г., сидѣвшій по уголовному дѣлу, но бывшій писарем в конторѣ тюрьмы, и поэтому пользовавшійся свободой ходить по всей тюрьмѣ Этот Г. сыграл в существованіи нашего журнала роковую роль и был причиной многих нехороших приключеній для меня лично.

Не принимая участія в винтѣ, мы с Космаревым иногда рѣзались в 66, в «дураки», и т. д. А порою схватывались в штосс и за один час спускали тысяч по 10, по 20. Но эти проигрыши не особенно смущали нас, ибо вмѣсто проигранных 10—20 тысяч, можно было в 2—3 минуты напечатать новых бумажек тысяч на 50, благо красной и синей бумаги было много, а за изяществом кредиток мы не особенно гнались.

Книг у нас было много, и с воли, и из тюремной библіотеки. Помню, как раз в то время у нас было много споров по поводу «Санина», споров, порою выливавшихся в интересныя дискусіи по вопросам о «правѣ личности», об анархизмѣ, свободѣ воли и т. д.

Так мы жили.

Журнал горячо увлекал нас. Номера выходили быстро друг за дружкой, дней через 5—6.

Уже вышел № 4, как вдруг разразилась катастрофа, в результатѣ которой было неожиданное прекращеніе журнала и высылка редактора из тюрьмы в... арестный дом при полиціи...

Увы! Свобода печати и в тюрьмѣ вдруг была отмѣнена!

Эс-эр.

———□=□———

„Изгнанники",

піеса Ф. И. Чудакова, в непродолжительном времени выйдет особым выпуском и поступит в продажу.

Винт.

(По Чехову).

В одну скверную февральскую ночь Мухин возвращался с обыска. Ѣхал он в автомобилѣ и размышлял о той пользѣ, которую приносили бы обыски для дѣла революціи, если-б можно было обыскать не только здѣшних буржуев, но и читинских. Проѣзжая мимо испокома, он бросил думать о пользѣ и стал глядѣть на окна дома, в котором он, выражаясь языком поэтов и шкиперов, управлял рулем. Два окна, выходившія из дежурной комнаты, были ярко освѣщены.

Неужели они до сих пор с декретом возятся?—подумал Мухин.—Четыре их там дурака, и до сих пор еще не кончили. Чего добраго, саботажники подумают, что я им и ночью покою не даю. Пойду подгоню их. Остановись, Антип».

Мухин вылѣз из автомобиля и через какую нибудь минуту стоял уже у дверей дежурной комнаты. Дверь была слегка отворена, и Мухин, взглянув в нее, увидѣл нѣчто необычайное. За столом, заваленным бумагами, при свѣтѣ лампы сидѣли четыре переписчика и играли в карты. Со средоточенные, неподвижные, с лицами, окрашенными в зеленый цвѣт от абажура, они напоминали сказочных гномов или, —чего Боже избави—интеллигентов. Еще болѣе таинственности придава им их игра. Судя по их манерам и карточным терминам, которые они изрѣдка выкрикивали, то был винт; судя же по всему тому, что услышал Мухин, эту игру никак нельзя было назвать ни винтом, ни даже игрой в карты. То было нѣчто неслыханное, странное и таинственное. В играющих Мухин узнал товарищей Кадкина, Задкина, Пятки на и Куропаткина.

— Как же ты ходишь, черт голландскій?—разсердился Кадкин, с остервененіем глядя на своего партнера.—Развѣ можно так ходить? У меня на руках был Агибалов сам-друг, Поспѣлов с женой, да Сережка Курочкин, а ты ходишь с Дулетова! А тебѣ бы, садовая голова, с Алексѣевскаго ходить!

— Ну, и что-же бы вышло?—окрысился партнер.—Я бы пошел с Алексѣевскаго, а у товарища Задкина Мухин в румах.

— «Мою фамилію к чему-то приплели:: —пожал плечами Мухин. Не понимаю!».

Куропаткин снова сдал и переписчики продолжали:

— Республиканцы!

— Два—Большевики!

— Без козыря!

— Ты без козыря? Гм.:: Соглашатели —два! Погибать, так погибать, шут возьми! Тот раз на безпартійных без одной остался, сейчас на соглашателях нарвусь. Плевать!

— Маленькій шлем на безпартійных!

«Не понимаю!»—прошептал Мухин.

— Хожу с предсѣдателя. Бросай, Ваня, какого-нибудь секретаришку или его товарищешку.

— Зачѣм нам секретаришку? Мы и Мухиным хватим!

— А мы твоего Мухина по зубам::: по зубам... У нас Никифоров есть. Быть вам без трех! Показывайте Маляриху, нечего вам ее, саботажницу, за обшлаг пря тать!

— «Малярову затрогали»... — подумал Мухин.—Не понимаю!»

И, не желая долѣе оставаться в недоумѣніи, Мухин открыл дверь и вошел в дежурную. Если-бы перед играющими явился сам чорт с рогами и с хвостом, то он не удивил-бы и не испугал так, как испугал и удивил их начальник. У Кадкина с перепугу даже кровь из носа пошла, а у Куропаткина забарабанило в правом ухѣ и сами собою спустились брюки. Играющіе побросали карты, медленно под нялись и, переглянувшись, устремили свои взоры на пол. Минуту в дежурной воцарилась тишина.

— Хорошо-же вы декрет переписываете —начал Мухин.—Теперь понятно, почему вы так любите с декретами возиться... Что вы сейчас дѣлали?..

— Мы только на минуту, вашество!— прошептал Кадкин. — Карточки разсматриваем... отдыхаем...:

Мухин подошел к столу и медленно закурил трубку. На столѣ лежали не карты, а фотографическія карточки обыкновеннаго формата, снятыя с картона и наклеенныя на игральныя карты. Карточек было много. Разсматривая их, Мухин увидѣл себя, Сюткина, много своих подчиненных, знакомых...

— Какая чепуха!.. Как же вы играете?

— Это не мы, вашество, выдумали... Сохрани Бог... Это мы только примѣр взяли...

— Об'ясните, Задкин! Как вы играли? Я все видѣл и слышал, как вы меня Ники форовым били... Ну, чего мнешься? Вѣдь я тебя не разстрѣляю? Разсказывай!

Задкин долго стѣснялся и трусил. Наконец, когда Мухин стал сердиться, фыркать и гнѣвно сопѣть трубкой, он послушался. Собрав карточки и перетасовав, он разложил их по столу и начал об'яснять:

— Каждый партнер, вашество, как и каждая карта, свою суть имѣет... значеніе... Как и в колодѣ, так и здѣсь 52 карты и четыре масти. Республиканцы будут пики, безпартійные — трефы, меньшевики и эсэры—черви, а бубнами будем мы, которые власть-совѣтцы. Ну-с... Предсѣдатели у нас тузы, товарищи предсѣдателей—короли, которыя ежели женщины—дамы, секретари—валеты, товарищи секретарей—десятки, и так далѣе. Я, напримѣр,—вот моя карточка,—тройка, так как будучи переписчик...

— Ишь ты... Я, стало быть, туз?

— Бубновый с! А Сюткин— дама-с!

— Гм... Это оригинально!.. А ну-ка, давайте сыграем! Посмотрю!

Мухин снял пальто и, недовѣрчиво улыбаясь, сѣл за стол. Остальные тоже сѣли по его приказанію и игра началас..

Сторож Александр, пришедшій в 8 часов утра мести дежурную комнату, был поражен. Картина, которую увидѣл он, войдя со шваброй, так была поразительна, что он помнит ее теперь, даже тогда, когда, злоупотребив «техническими надобностями», лежит в безпамятствѣ. Мухин, блѣдный, сонный и непричесанный, стоял перед Пяткиным и, держа его за пуговицу, говорил:

— Пойми-же, что ты не мог с Бухаревича ходить, если знал, что у меня на руках я сам-четверт. У Куропаткина Черняк с женой, три меньшевика, да Бердіев, у Задкина безпартійные и три маленьких республиканца. Тебѣ-бы нужно с Чиликина ходить! Ты не гляди, что они с соглашателей ходят. Они себѣ на умѣ!

— Я, вашество, пошел с секретаря, но тому думал, что у них предсѣдатель.

— Ах, голубчик, да вѣдь так нельзя думать. Это не игра! Так играют одни только сапожники. Ты разсуждай... Когда Куропаткин пошел с Бердюгина, ты должен бы бросать Ротта, потому что знал, что у него Кащенко сам-третей со Степой. Ты все испортил! Я тебѣ сейчас докажу! Садитесь, товарищи, еще один робер сыграем!

И уславши удивленнаго Александра, властьсовѣтцы усѣлись и продолжали игру.

Гусмир.

——<>——

Шинель с носом.

Или как я обокрал жандарма.

Ни в возможность откровенности, ни в пользу публичнаго покаянія я не вѣрю. Как равно не вѣрю и в тот способ покаянія, когда блудливый, как кошка, «мѣщанин», по заячьей трусости «потустороннаго прокурора», сует попу карбованец и прячет голову под епитрахиль, изображая собой страуса, вполнѣ увѣренный, что здѣсь его черти не найдут! И я отнюдь не с цѣлью покаянія, а просто «так себѣ», хочу разсказать сейчас один анекдотическій случай из своей «поднадзорной» жизни. Оговорюсь: положенія 8 заповѣди я безусловно признаю для человѣческаго общежитья, но в отношеніи

жандармов «остаюсь при особом мнѣніи». Совѣсть, предупреждаю, меня не мучает и не мучила, ибо не существует такой гадости на свѣтѣ, какую-бы я отказался жандармам учинить. И так, слушайте, как я обокрал жандармскаго полковника в его собственном Управленіи в Иркутскѣ. Заправскіе жулики завидовали мнѣ в тюрьмѣ и прямо об'явили, что я «фартовый». Хотя в тюрьмѣ-то я находился не за кражу!

Многіе современники этого «великаго освиста» жандармов и общей полиціи Иркутска и теперь живы, и, между прочим, нѣкоторые нахѣдятся в Благовѣщенскѣ. Очень жалѣю, что нѣт бывшаго полиціймейстера Баранова, непосредственнаго участника розысков украденнаго (шинель, шапка и сабля).

Совѣсть, повторяю, меня нисколько не мучает, хотя в одном мѣстѣ разсказа мнѣ и придется покраснѣть, но только не за кражу!..

Меня освободили из одиночки, гдѣ я отбывал очередное предварительное заключеніе. Освободили под особый надзор полиціи, сирѣчь на черт-знает какой срок: пока дѣло (вѣрнѣе—бумаги), сходят в Питер, в департамент полиціи. Такая проблематическая свобода равносильна свободѣ той собаки, которая бѣгает на цѣпи по блоку, вдоль натянутой проволоки. Так и я носился из конца в конец по улицам родного города. И от продолжительнаго и безцѣльнаго скитанья и хронической голодовки, сдѣлался злѣе любого «цѣпника». Положенье собаки было во многих отношеніях выгоднѣе: собаку в опредѣленное время кормили досыта, тогда как поднадзорный должен питаться, как дикій звѣрь, случайной добычей. Средства борьбы за существованіе у него реквизированы тѣми же жандармами.

Собака бѣгает хотя и на строго ограниченном разстояньи, но она бѣгает сама по себѣ, она не чувствует над собою раздражающаго нервы соглядатайства, а под надзорный, бѣгая, все время чувствует, что за ним все время, неотступно, еще кто то бѣгает. Сядет поднадзорный отдохнуть, и этот кто-то садится отдохнуть, остановится поднадзорный у витрины афишу читать, и кто-то остановится афишу читать, и это изо-дня в день, и цѣлые мѣсяцы...

Естественно — обозлишься...

В таком собачьем положеньи было нас четверо: я, мой 14-лѣтній братишка Аноша, рабочій-каменотес Галин (кличка «Ликсеич») и ех-юнкер Шахов, за фамилію прозванный «Шах персидскій».

В городѣ, конечно, не 4 было поднадзорных, а, вѣроятно, 400, не считая всѣх старых ссыльных, но я говорю только о своей группѣ, которую и жандармам-то, пожалуй, в то время не нужно было. Нас взяли, как мы точно опредѣлили, в качествѣ «наживы», для болѣе крупной рыбы, да так, на нас только и... «заговѣли ь!»

Виноват за отступленіе.

От нечего дѣлать, наш квартет рѣшил травить жандармов... ядом словес и всевозможных фортелей; в этом мы находили нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, по пословицѣ: «за пропадо, чѣм попало!..»

И, во всяком случаѣ, серьезно мѣшали жандармам дѣлать их прямое дѣло.

Ежедневно, рѣдко через день-два (в случаѣ ненастной погоды), поочередно являлись в жандрамское управленіе за самыми нелѣпыми справками, вродѣ: а доложат-ли государю, что в Иркутскѣ в числѣ арестованных политических находится «нижній чин» Ананій Ераценко? (Воспитанники Военно-Фельдшер. школы числились «нижними чинами», т. е. рядовыми солдатами, и только во время болѣзни и арестов пользовались «офицерским положеніем»; исходя из этого, Аноша требовал доклада государю).

Или, является «Ликсѣич» и требует гарантіи, что его показанія будут доложены министру внутренних дѣл в том именно видѣ, как он их написал, ибо опасается подлога, а нужно оговориться, что показанія Лексѣича были сдѣланы в такой формѣ, что никакая цензур держит.

Вначалѣ жандармы «клюнули на эту наживку», и, считая нас простофилями, вся чески успокаивали, завѣряли...

Но так как наши визиты наносились ритмически, с упорством сумасшедшаго, то и, естественно, синіе начали нервничать.

«Что и требуется доказать», сказали мы себѣ. Теперь,—чья возьмет?

Визиты приняли характер интенсивный, и, уже не «соло», а «квартетом».

Пробовали синіе отшучиваться. Не помогает!

Попробовали отругиваться.

Мы в такую амбицію вломились,—осѣклись синіе сразу!

Пробовали — «не принимать!»

Еще хуже.

С утра и до потемок терпѣливо дежурили мы на скамеечкѣ, что у ворот, останавливая всѣх выходящих вопросом: скоро-ли нас примут? Когда? Чѣм сейчас занят полковник?..

А ко всѣм входящим в ворота адресовались с просьбою: «Доложите полковнику, что мы с утра ждем. Когда нас примут по дѣлу?»

Мы уже знали в лицо не только всю команду унтеров, а и всѣх филеров, даже кухарок и горничных; перед послѣдним наш юнкер даже расшаркивался; узнали всю жандармскую дѣтвору.

Слышим-послышим, через старшин Общественнаго Собранія и солидных чинов, что уже полковник Левицкій «жисти не рад», что связался с нами, да еще позволяет себѣ нелестные о нашем квартетѣ отзывы: «Эти, говорит, сибирскіе челдоны — дѣйствительно челдоны!..»

Слышим-послышим: сам пишет в департамент об ускореніи дѣла; а мы «гнем свою линію»...

Вдруг случилось нѣкоторое обстоятельство; мы дали им отдых: в контрольной палатѣ наклюнулось подходящее мѣстишко,—были и там «либералы».

И вот «либерал» и говорит: «Все-бы готов для вас сдѣлать, но, сами понимаете!?. (Я отлично понимал). Сходите вы к Левицкому (жандарм. полков.) и пусть он хоть на клочкѣ бумаги, в частном порядкѣ, скажет, что не будет препятствовать тому, что я дам вам работу».

И опять это дохлое: «сами знаете!..»

Дав синим отдых с недѣлю, являюсь в управленіе, и уже вполнѣ корректно и резонно прошу Левицкаго дать мнѣ «бумагу» на право работы в контрольной палатѣ.

Жандарм заартачился, хотя тоже вполнѣ корректно: «Я лично не могу, нужно переговорить с «вице» (в то время был Моллеріус).

Я заявил, что с «вице» я сам переговорю и сейчас же могу сходить, благо близко.

«Синій» опять «палку в колесо»,—это, мол, все равно не может быть рѣшено так скоро, нужно снестись с департаментом, а уж мнѣ это словечко, аж тошнит!.. Не выдержал я марки—корректности и,—в наступленье!.. Момент, и я ставлю ультиматум: если завтра в 11—12 часов в контрольн. пал. не будет «буллы», разрѣшающей мнѣ там работать, я вынужден буду прибѣгнуть к нелегальному способу добыванія средств к жизни!.. Увлеченный перепитіями борьбы, я, конечно, бросил свою угрозу с неподдѣльным пафосом, мимикой и жестом, отнюдь, однако-ж, не думая в тот момент ни о каких способах добыванія.

И меньше всего мог предполагать, что завтра же «на эфтом самом мѣстѣ» я сдѣлаюсь... вором!..

Мое возбужденное состояніе, как трагика на сценѣ, видимо, подѣйствовало на жандарма, а, может, это была уловка: — «Успокойтесь, успокойтесь, я подумаю, я сам переговорю с вице, зайдите завтра».

Захожу завтра (должен оговориться: день-то сказался неприсутственный, почему и подозрѣваю жандарма в уловкѣ), но все равно, «пру». Захожу в ворота, прохожу длинный тротуар до канцеляріи, нигдѣ ни души, захожу в пріемную—то же, кашлянул разок-два, нигдѣ никого, прислушиваюсь, тишина, как в одиночкѣ, что за чертовщина? Пріотворяю дверь, из пріемной в канцелярскую—ни души!..

Заинтриговало! Громко зову: «Да есть тут живые кто?» В отвѣт—молчаніе!

Оказія! Сажусь, закуриваю, сморкаюсь, кашляю,—хоть бы собаченка гдѣ тявкнула! Мертво, пусто! Чуть-чуть доносится какой-то гул голосов, как за кулисами «шум толпы», а откуда—не пойму.

Глядь, а на вѣшалкѣ шинель, сабля и шапка полковника!

Бьет 12 часов.

«Эврика!» Как молніей прорѣзало в мозгу: ультиматума срок истек, «буллы» нѣт! Меня обманули! Так, на-те-же!..

Я не на вѣтер слова бросал!

Оглядѣл себя в зеркало в пріемной — Момент, и я в костюмѣ полковника! очень даже к лицу!..

Свою шляпу — нигилиста в карман смял, и вышел!..

Иду опять вдоль зданія, по тротуару, к воротам. Смѣх, дикій смѣх сумасшедшаго так и клокочет в груди, только-только не вырвется, и встрѣтится мнѣ кто-нибудь из синих, уже не сдержаться бы..

Слѣдую к воротам, прохожу мимо флигеля, что при входѣ в ворота—слѣва, при выходѣ—справа. Окна открыты, но загорожены цвѣтами.

Слышны голоса, звон посуды, кому то здравица!.. Екнуло сердце: сейчас схватят!

Ну, что-ж? Вѣдь я же, мол, предупреждал вчера вас, вы думаете, я шучу? Злой рок рѣшил поставить цѣлое жандармское управленіе... в дураки!..

Я благополучно прошел в ворота и, сам не зная, куда и зачѣм, форсисто зашагал по самой Жандармской улицѣ. Смѣх—дикій, гомерическій смѣх клокотал у меня в груди. Ба! На этой-же улицѣ живет мой бывшій сослуживец по гимназіи Афанасій Михайлович Нелюбин, всего 2--3 квартала от жандармов, сем-ка, визитик нанесу! И нанес!

Что перечувствовал мой пріятель, предоставляю разсказывать ему.

А я—я досыта прохохотался, это первое, что я мог сдѣлать.

Затѣм, подкрѣпив себя «технически», как это дѣлают теперь амурцы, составил до-нельзя простой план дальнѣйших «похожденій Рокамболя». Нелюбину «воленс-ноленс» пришлось сдѣлать развѣдку: нѣт-ли на улицѣ жандармов или полиціи. Погода мнѣ благопріятствовала. Нырнул в калитку и был таков. На слѣдующем углу взял извозчика.

— В пивную, что около 4-го полицейскаго участка!

Встрѣчные солдатики козыряют, — откозыриваю.

В пивной этой надѣялся встрѣтить Лексѣича и промахнулся! Куда-же? Куда теперь? А демонстрировать необходимо: «взялся за гуж!..» Если нарваться, сдаться, это нужно сдѣлать с треском! На «большанкѣ», в театрѣ, напр., и т. п., но прежде, прежде всего нужно показаться братишкѣ и товарищам. Вѣдь, если схватят,—засадят, как пить дадут.

Нужно принять мѣры, чтоб в самом дѣлѣ в жулики не попасть. Иду на кладбище, в калитку с Іерусалимской ул., там, мол, в кустах обдумаю.

Ан, по аллеѣ, к калиткѣ «плывут три богини» (три знакомыя барышни из дома, гдѣ арестовали Лексѣича.

Подлетаю вплотную, «здрасте с!» и козыряю.

«Ай-ай-ай! (тройное сразу). Ты сума сошел?!.

— Цыц! Не визжите!—приказываю.

Сошли в густую заросль, усѣлись на чью-то плиту и «закатились» мои «богини!» Так «закатились», что и не пойму ни как: хохочут-ли онѣ, до истерики-ли дѣло дошло? Насилу унял.

— Да как ты это? Да, ну, не мучай, что за мистификація?

— Послѣ, послѣ! Сейчас идите скорѣе..

— Да, нѣт, как же все-таки?

— Да, ну вас, отвяжитесь,—как, как? Как Давид у Саула полы обрѣзал? Бѣгите к «А», к «Б», к «В», к «Г», и т. д. Назначил пункт, передал пароль. Полетѣли, словно ласточки! К 4 часам «академія» была в сборѣ, за исключеніем ласточек.

Умнаго ничего не придумали, пир устроили, может, почище жандармскаго! Кажется, забыли и цѣль собранія. Барышни-вѣстовые, видимо, перестарались, и публика перла со всѣх концов города, чтобы лично убѣдиться в совершившемся, и, конечно, всякій явившійся тут же и оставался. Наиболѣе благоразумные время от времени мчались на развѣдки. Все шло благополучно.

«Маскарадный костюм» примѣривали всѣ поочередно, в боковом карманѣ открыли Америку: записную книжку полковника, торжество из торжеств!..

В заключеніе, когда почти стемнѣло (дѣло было лѣтом), рѣшили: я в полном снаряженіи иду на Большанку—нарываться, поодаль идет мой кортеж «ин кор поре».

Полнѣйшая неудача! Как я глупо ни демонстрировал, и к публикѣ придирался, и на городового около часовни Святителя Иннокентія с саблей набрасывался, ничто не помогло,—шарахаются всѣ в сторону, как от прокаженнаго и только. Надоѣло!

Марш опять на кладбище!..

А в это время жандармскій банкет был уже закончен, шинели хватились, трещали телефоны, была мобилизована вся рать и эскадра фараонова, часть квартир

«наших» была перевернута вверх дном. Сам «вице» об'явил всѣм 4-м приставам города ультиматум: если они не найдут шинели, сабли и шапки жандармскаго полковника, то он их всѣх повыгонит со службы!..

Словом, моя сумасбродная выходка, пря мехонько со страницы «Бурсы» Помяловскаго, разрослась в большой скандал для большого штата полиціи большого города. Как же? Обокрали жандармскаго полковника! Полицію над полиціей!

В заключенье, когда почти стемнѣло А пока в городѣ шла кутерьма, мы уже занимались совершенно «мирным дѣлом». Забравшись в укромный уголок кладбищенской рощи, потрошили перочинными ножами безмолвную жертву.

Срѣзали, как нынѣ большевики, погоны, петлицы, хлястик, отпороли рукава; ворот; а самое туловище изрѣзали в ленты, отнюдь не шире тѣх, какія дѣвушки заплетают в косы.

Ножны изуродовали, саблю сломали, а шапку издырявили, как будто-бы полков ник-то под Плевной был. Дали по рукаву двум товарищам, ворот 3-му, большой лос кут подкладки 4-му и моментально командировали их курьерами, чтобы, пользуясь темнотой, подбросили около полицейских участков, если возможно - на крыльцо!

Сломанный меч вложили в изуродованные ножны. Пуговицы, погоны, петлицы взял себѣ Лексѣич. Далѣе, усмотрѣли под ходящій мавзолей с высоким - высоким крестом и...

И, да простят нам нашу, вомстину дикую, выходку! Вот об этом то мѣстѣ разсказа я и упомянул вначалѣ, заявив, что мнѣ придется покраснѣть. Болѣе 20-ти лѣт прошло с тѣх пор! Пора простить! В то время мы дѣйствовали по инерціи, как расшалившіеся школьники, которые в увлеченьи игрой, уже не подчиняются сдерживающим центрам мозга! И мы по вѣсили на крест (купца какого-то) казенную шинель, надѣли на верхушку шапку и нацѣпили изуродованную саблю.

И в мыслях у нас не было кощунство вать, это я утверждаю!

Мы группами, и по разным направленіям, разошлись с кладбища.

Наш квартет, т. е. я, братишка, Лексѣич и Шах персидскій, пошли по Арсенальской улицѣ, на которой имѣется 3-й полицейскій участок.

По дорогѣ Галин об'яснил нам, что он намѣрен сдѣлать со срѣзанными с шинели «цацками». Третій участок имѣет два входа и двое ворот, всегда открытых. Вот он обойдет от одного крыльца до другого и разбросает цацки так, чтобы они указывали путь... от одного крыльца до другого! Идея понравилась и была проведена в жизнь, благо было темно.

Теперь куда? Спать не хотѣлось, взбудораженные за день нервы требовали еще чего-то. Юнкер закинул было удочку на счет пивной, Анаша энергично протестовал: «А я что, один отгрызаться буду? Ишь, вы какіе! — На голубятнѣ-то уж навѣрное ждут! (Голубятней мы называли свою квартиру)».

Ребенок усовѣстил нас. Ну, ладно, будь по твоему, но куда-же?

Идем в театр, еще застанем хоть пу блику посмотрим, «наши» навѣрно есть.

Быть по сему! Едва мы усѣлись, как плывет к нам вся фараонова эскадра, окружает. Анаша, как сквозь галерку провалился, а мы остались спокойными. Ближе, ближе, а вот около уха дежурный пристав: «Пожалуйте в дежурную комнату, прошу вас!

— А у вас что, и там спектакль?

Улыбается: «Пожалуйте, господа, ну, право-же непріятно скандалить с вами, вы люди интеллигентные».

Ну, раз уж интеллигентные и честью просят, пошли. Дежурная битком набита; тут и жандармы, и полицейскіе, и какіе-то восточные люди, и 2-3 «сватьи бабы-бабурихи».

— Чѣм можем служит?—задаем первые вопрос.

— Видите-ли... вы обвиняетесь в кражѣ шинели, шапки и сабли у г-на жандармского полковника...

— Мы в кражѣ?!—дружно протестуем мы—да это черт знает, что такое!..

И далѣе в том же духѣ. Нас не слушают и вдруг слышим:

Один восточный человѣк говорит, а пристав записывает. Дворянин, «имя рек» (не помню теперь, как он назвал себя, но «дворянин», как сейчас слышу). Итак, дворянин - содержатель ресторана показывает, что в 6 час. вечера в его ресторан при

шли 2 гостя: один - я, а другой Галин, при чём Галин якобы был в формѣ полковника, а я в формѣ учителя и в очках! Так и взмывало меня крикнуть: врешь, с. с., форму я давным-давно не ношу-раз! очки никогда не надѣвал-два! в формѣ полковника весь день был я, а на гиганта Галина ее вовсе не напьялишь, очки почти всегда носит Галин, как предохранители, чтобы мелкіе осколки гранита на работѣ не попадали в глаза; в указанном ресторанѣ мы вовсе не были, как и вообще в ресторанах

Все это промелькнуло в мозгу, но я и товарищи сдержали себя. Было ясно, что полиція подготовила лжесвидѣтелей, и плохо подготовила! Не успѣла, конечно, подготовить; а экзамен мы уже рѣшили дать серьезный Когда начал говорить 2-й «дворянин», вышло еще хуже: этот, догадываясь, видимо, по стройной фигурѣ нашего Шаха персидскаго (так прозвали Шахова), что он из военных, его и одѣл в шинель полковника, и когда очередь дошла до баб, то они такую околесицу понесли, какую только и может нести русская баба, совершенно безграмотная, и кстати жена городового. Сам дежурный пристав сконфузился и поскорѣе выпроводил баб Мы в душѣ торжествовали, вернѣе «смаковали», какой генеральный бой дадим полиціи и жандармам: было ясно, что дѣло их проиграно, пред'явленные лжесвидѣтели окончательно будут сбиты с толку, когда на судѣ мы выставим «свору» своих свидѣтелей, которые весь день по часам разскажут, гдѣ и кто из нас был, что дѣлал и т. д. и т. д. Протокол всетаки был составлен, но только на меня и Галина, Шаха почему то не включили, не смотря на то, что на него указывал свидѣтель. По окончаніи формальностей с протоколом, нас почему-то оставили на свободѣ, взяв только подписку о невыѣздѣ, хотя по закону нас слѣдовало взять под стражу. Выѣзжать мы и без этого не имѣли уже права.

Вѣжливо распрощались с приставом и пошли... в буфет. Не успѣли и червячка заморить, как слѣдует, как к нам подлетѣл «рубаха парень», якобы в градусах.

— Ха, хы, хи-хи! Вот чудеса в рѣшетѣ, слышали? Ха-ха! Понимаете-ли жандармов обокрали, ха-ха! Самого полковника!

— Что? Полковника украли? —выпалил вает мой Лексѣич, тоже заплетающимся языком и тут-же опрокидывает в себя чуть не чайный стакан водки.

«Дурак» подсаживается ближе. Начинается состязаніе на пьяную откровенность. За Галина я спокоен, уже чѣм-чѣм, а театральными графинчиками камнетеса только раздразнишь. Поболтали они малость на непонятных языках, а «дурак» еще ближѣ, так вот по душѣ и лѣзет.

Еще графинчик. Чекнулся Ликсѣич с «дураком», да и тостик ему и говорит, да таково твердо да внушительно и негромко: иди, сердешный, откуда пришел; иди, пока цѣл, а то если у меня ладонь зудѣть будет, так хо-о-чешь? Я вон тебя куда переброшу, и пальчиком ему указывает на стойку бутета, - всю посуду побьешь!

— Что вы, что вы, я ничего, я так, а сам задом; задом да в публику.

— Зачѣм ты это сдѣлал?

— А затѣм, чтоб чувствовали!

Из театра мы направились домой, гдѣ и нашли Анашу безмятежно спавшим сном ребенка, который до-сыта наигрался за день! В квартирѣ был полный погром, оказывается обыск был в нашем отсутствіи

Заснули и мы.

Утром пришло извѣстіе, что рано-рано утром кладбищенскій сторож замѣтил на одном из крестов удавленника, о чем и дал знать в 4-й полицейскій участок (бли жайшій к кладбищу); Явилась полиція и.. нѣт, никак не сумѣю описать «полицейскія чувства» при таком «пассажѣ». Послѣ слышал, что и ругались, и смѣялись, и о кощунствѣ дѣло хотѣли затѣвать и т. д. Виновников называли опредѣленно, по голословно!

А в то время, как чины 4-го полицейск. участка возились со мнимым удавленником, из всѣх других полицейских участков трещали телефоны в жандармское управленіе, и каждый пристав спѣшил по хвастаться, что он уже напал на слѣд пропавшей шинели полковника. И получилась из шинели «красная свитка», как на Сорочинской ярмаркѣ Гоголя. О скандалѣ было доложено генерал-губернатору Горемыкину, и, паче всякаго чаянія, этот свирѣпый генерал не только не возмутился, как нам передавало вѣрное лицо, а так хохотал, так кричал: «браво», вот это я понимаю,

из управленія, из самаго жандармскаго управленія?! Чудесно! Мило!».

Докладчик - полиціймейстер - стоял болван болваном!

Затѣм послѣдовал турнир на судѣ.

Ершъ.

——<>——

Дочь Шамана.

Повѣсть.

VII. Тайна Мафы.

Плот летѣл быстро, и приходилось внимательно слѣдить, чтобы гдѣ-нибудь на извилинѣ рѣки не попасть на мель или не удариться о камни. Наступившіе сумерки осложняли нашу работу, но в то же время они уменьшали опасность преслѣдованія нас со стороны разбойников или их сообщников, если они были.

К счастью, мы добрались до своей избушки вполнѣ счастливо. Мы только вымокли всѣ. Но Нянта моментально соорудила костер, и он весело пылал на старом огневищѣ, а около него мы положили Мафу на звѣриныя шкуры.

Я осторожно осмотрѣл рану на его правом боку. Это был, повидимому, удар широким ножом. Рана была глубокая, но кровь уже не сочилась из нея. Опасно было то, что одежда старика была грязная, и рана могла засориться. Я промыл ее, насколько мог тщательно, и забинтовал, разорвав чистую рубашку.

Старик был спокоен. Он улыбался, когда я осматривал его рану, и лепетал: «Хорошо! Кузима! Ладно!»

Были-ли мы в безопасности в эту ночь? Нянта на этот вопрос отвѣчала утвердительно. Она спокойно хлопотала над приготовленіем ужина, и тоже улыбалась, и хвалила меня...

...В эту ночь я долго не мог заснуть. Душа была переполнена впечатлѣніями недавней драмы. Но в концѣ концов сон одолѣл меня и во снѣ мнѣ продолжали мерещиться выстрѣлы и кровь.

Первым звуком, услышанном мною по пробужденіи, был стон. Это стонал старик. Он спал и тихо стонал во снѣ.

Я быстро вскочил и вновь принялся осматривать его рану. Повидимому, начиналось воспалѣніе. А у меня не было никаких средств под руками, чтобы вычистить рану, как слѣдует.

Стараясь не разбудить раненаго, я осторожно промыл рану водою, и, видно, старику стало легче, он перестал стонать.

День начался и потек обычным порядком. Нянта исполняла всегдашнюю домашнюю работу, только мы с Мафой были дома и никуда не выходили.

К полудню старика стало лихорадить. У него сдѣлался жар. Я стал класть холодные компрессы, и это помогло.

Под вліяніем лихорадки старик был неестественно оживлен. Он улыбался и бормотал больше обычнаго. И тогда-то он мнѣ разсказал свою исторію. Я не разспрашивал его. Я даже не намѣревался когда-либо разспрашивать его. Собственно, мнѣ не было никакого дѣла до его исторіи.

Но он разсказал.

Он разсказал слѣдующее:

Он нашел клад. Он нашел много золота. Прошлой осенью, скитаясь по тайгѣ, он добрел до берега Зеи и нашел на отмели ящик. В ящикѣ было много золота. Больше пуда. Откуда взялся этот ящик? Может быть, разбилась о камень лодка золотоискателей, возвращавшихся с пріисков? Может быть, из-за этого ящика был убит его хозяин вольными жителями лѣса?

Мафа не знал. Ящик был маленькій, и очень красивый, окованный бѣлым желѣзом.

Мафа взял ящик и пошел с ним домой.

Был-ли он рад этой сказочной находкѣ?

Да, он был рад. Он видѣл в нем возможность спокойной старости для себя и счастливой жизни для Нянты. Он не знал даже приблизительной цѣны своего богатства. Было много золота—а сколько? Очень много!

Мафа нес ящик домой, и вмѣстѣ с ним нес несчастіе. Потому что по слѣдам за ним шли другіе люди. Они увидѣли старика, когда он пробирался тайгой, и увидѣли ящик на его плечѣ... И они завладѣли-бы им, если-бы могли. А они не могли. Их было двое. Но один был со сломаной ногой, а другой—ранен в шею, и они ползли, как звѣри, к своему стану, безоружные и безсильные. Они были на каком-то лѣсном «дѣлѣ», и дѣло было, повидимому, неудачное.

Но велика сила золота!

Заподозрѣв, что в ящикѣ именно золото, лѣсные люди пытались слѣдить за Мафой. Обезсиленные калѣки упорно ползли за стариком, но Мафа как-то сумѣл обнаружить их присутствіе. Он почувствовал слѣжку за собой и прибѣг к самой простой лѣсной уловкѣ, чтобы обнаружить своих преслѣдователей. Он вышел им в тыл.

Он знал этих людей. Один был извѣстный разбойник Лука. Когда Мафа стал опи сывать его, я догадался, что это был «Пан». Другой тоже был лѣсным человѣком, и Мафа знал, что зовут его Лебедевым.

Мафа пошел слѣдом за своими преслѣдователями. И он слышал их разговор. И слышал, как они спорили: Лука говорил, что ящик—тот самый, Лебедев—отрицал. Мафа понял, что ящик разбойникам знаком. Значит, они знают, что в нем.

И он постарался поскорѣе убраться от своих преслѣдователей и, запутав слѣд, через 3 дня пришел домой. Он не показал ящика Нянтѣ. Он даже не принес его домой. Он его спрятал.

Но потом раздумье взяло старика. Что дѣлать с золотом? Его так много, что если взять все с собою и уйти в какую-нибудь деревню—будет трудно скрыть.

И чѣм дальше, тѣм больше мученій стало доставлять Мафѣ его богатство. Долго думал он, как с ним поступить, и вот при думал слѣдующее:

Зимой он сходит далеко, к своим сородичам. Там он найдет жениха Нянтѣ. И приведет его с собою, и в приданое отдаст весь свой клад. И они перекочуют всѣ на дальнюю сторону, в другой лѣс.

Зимой Мафа пошел. Но вернулся один. В прошлую зиму сильно бѣдствовали орочены. Был оленій мор, и ушли они далеко, и была среди них оспа. Но жених для Нянты нашелся. Хорошій парень, мѣткій стрѣлок, силач. Но не было его в то время дома. Он уходил за оленями далеко, за Алдан.

С родными его потолковал Мафа, и условіе было заключено. Как только вернется жених—пойдет за невѣстой. Но всю зиму не приходил он. Думали, худо с ним случилось. Но вот вернулись орочены и сообщили, что Талей с двумя товарищами вернутся только к веснѣ. Они по пали на хорошее дѣло, и вернутся весной, и у них будет много оленей.

И ушел Мафа. Свадьбу рѣшено было отложить до слѣдующей зимы.

Когда наступит зима, жених придет, и возьмет Нянту, и приданое. И всѣ будут счастливы.

Будет ли так?

Мафа тяжело вздохнул.

О золотѣ знают Лука и Лебедев. И вот в тайгѣ ходят уже двѣ шайки в поисках этого золота. Во главѣ одной—Лука, другой—Лебедев.

Лебедев нашел избушку старика этой весной. Пришли четверо и увели старика, и пытали, гдѣ золото. Мафа не сказал. Его увели далеко. Его много пытали, но он не сказал. И его рѣшили убить. И уда рили ножом и он упал, и лежал долго, может быть, два дня.

И вот тут-то, оказывается, я его и нашел...

А вчерашнее дѣло мы имѣли с другой шайкой—шайкой Луки. Она тоже каким-то образом пронюхала мѣстонахожденіе Мафы. И пришла, и стала спрашивать о золотѣ. Старик, спасая Нянту, повел их в лѣс. Но повел не туда, гдѣ было золото.

И Мафѣ грозила смерть.

И мы с Нянтой спасли его.

Так разсказывал Мафа.

К. Рѣзниченко.

Путем-дорогою.

(Окончаніе.)

V.

Все та же дорога, тот же лѣс и мы тѣ же. Вода в сапогах, вода за спиной. К тѣлу липнет бѣлье. В телѣгѣ дольше сидѣть нельзя и мы бредем пѣшком и со всѣм без дороги.

— Как славно! вырывается у меня,— опять лѣс, опять дорога и красоты необ' ятное море. Вон, как будто свѣтлѣет в небѣ! Но конец-ли дождю?

Нѣт, не конец еще. Круто повернув по над сопкой, мы очутились на крутом утесѣ, с котораго нам надлежало спуститься. Внизу быстрая горная рѣка вышла из берегов и воды ея больше не держались русла, а с шумом катили по всей долинѣ, покрывая собой мелкіе острова и куста

ники. Тут же разбросаны небольшія поля картофеля, пшеницы, проса и чумизы, вон виднѣются корейскія фанзы. С косой идет мужик. Что он дѣлал в такую погоду!

— Ну, вот за этим лѣсом и станція,— проговорил солдат, беря под уздцы лошадей, чтобы осторожно спустить с горы тележку.

— Да, мы пріѣхали, слава Богу.

— Зачѣм мы пріѣхали? говорю я себѣ. Я весь вымок, голоден, но зачѣм мы пріѣхали? Мір же безконечен!

Вѣдь, это они пріѣхали, а я? Нѣт, я еще не пріѣхал. Это одна маленькая станція в моей жизни, гдѣ мнѣ придется провести, быть может, одну ночь. Только одну, не болѣе, а там опять дорога.

Поблагодарив моего ямщика и пожелав солдату вернуться к родным здоровым, я пошел к рѣкѣ искать перевоза, чтобы переѣхать на другую сторону.

А как красива рѣка! Как красив весь мір! Даже теперь!

И. Т. Рѣшетнев.

Сентябрь-17 года.

==□==

Музей рѣдкостей.

Мой пріятель Красноцвѣтов, под вліяніем современных событій, протекающих в Россіи с ураганной быстротой американскаго экспресса, умоляет меня из «любви к отечеству и народной гордости», не мѣшкая, приступить к организаціи в Благовѣщенскѣ «музея рѣдкостей», обѣщая, с своей стороны, поддержку не только моральную, но и матеріальную, с знаменательной выдачей Алексѣевских бон (не смѣшивать с боннами!).

В случаѣ отказа удовлетворить его просьбу, Красноцвѣтов вполнѣ опредѣленно угрожает реквизировать и конфисковать, в пользу всего народа, лично мнѣ принадлежащій пиджачный костюм, единственное мое движимое и недвижимое буржуазно-буржуйное имущество. При этом Красноцвѣтов завѣряет, что предположенный к открытію, по его иниціативѣ, в Благовѣщенскѣ «музей рѣдкостей», как народный музей послѣдней формаціи, должен быть особо цѣнным для средней школы, как извѣстно, реорганизованной по музыкально - эстетическо - психологической системѣ, любезно предложенной в январѣ сего года к исполненію товарищем Луначарским и его сотрудниками по народному опущенію, вполнѣ испытанными работниками на нивѣ народнаго разобразованія.

С презрѣніем отбросив в сторону и «любовь к отечеству и народную гордость», как излишніе «буржуазные предразсудки», я, в сознаніи своего полнаго ничтожества в борьбѣ с конфискаціей моих пиджачных цѣнностей, и из глубокаго и явнаго моего уваженія к Алексѣевским бонам (фунтик масла восемь рубликов!), немедленно же приступил к открытію «музея рѣдкостей».

Главное сдѣлано: «флаг поднят»! «Ярмарка открыта»! И я очень прошу всѣх, кому дороги интересы нашей дорогой родины (извиняюсь, сбился на «старый режим»), кому дороги интересы міра, всего міра, всѣх свободных и не свободных граждан г. Благовѣщенска и жителей нашей области без различія пола, учрежденій и вѣдомств, чинов, орденов и погонов (виноват, их упразднили), возраста, нравственных, политических и безнравственных убѣжденій и качеств, жертвовать в «музей рѣдкостей» свои раритеты и уники.

Лично от себя, во главу музея я приволок **куль сѣмячек.** Больше дать, вѣрьте, не имѣю возможности. Все остальное в равнинных площадях необ'ятной Россіи подсолнечное сѣмя, до урожая будущаго года, в срочном порядкѣ, реквизировано и вывезено в Англію, Францію, Австрію и Германію.

Россійская революція, со всѣми ея послѣдствіями, дала вполнѣ ясныя неопровержимыя доказательства того, что подсолнух именно Россійской республики, имѣя особыя, пока научно не опредѣленныя, радіоктивныя свойства при употребленіи его в пищу неочищенным прямо из куля, путем грызенія (поджаривать или очищать сѣмячки - не рекомендуется) не избѣжно приводит всѣ народы к возстанію против имперіалистов всего міра и к созданію соціальных правительств. Наружныя и индивидуальныя внутреннія достоинства этого вовсе скромнаго на вид, но удивительнаго по своему психическому дѣйствію на потребителя сѣмени, дѣлают его пребываніе в нашем «музеѣ рѣдкостей», да еще в грязном кулѣ, - особо